

**Родюковы. Заметки к истории рода.
Родюкова Ольга Валериановна.**

СЛУЖИЛЫЕ РОДЮКОВЫ

Памятник основателям Сургута*

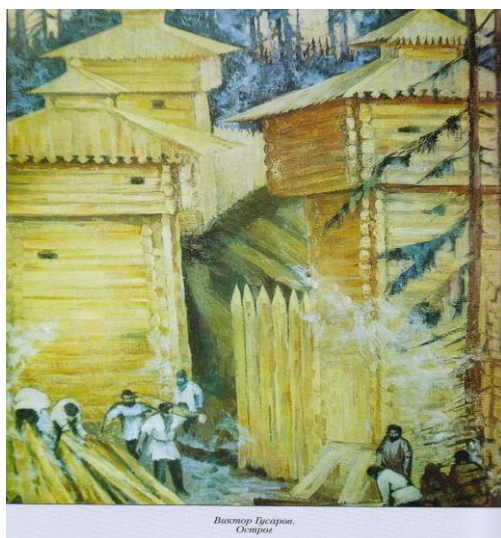
«В покорении и освоении Сибири казаки сыграли роль исключительную, почти сверхъестественную. Только особое сословие людей дерзких и отчаянных, не сломленных тяжёлой русской государственностью, чудесным образом смогло сделать то, что удалось им. После них подобных людей, кажется, уже и не случалось, они были тем, что можно назвать «самострелами» русского духа. Для осознания их изнурительного подвига не хватает воображения, оно, воображение наше, не готово следовать теми долгими и пешими путями, какими шли сквозь Сибирь эти герои...»

В. Г. Распутин

Среди местного русского населения Сибири бытовало предание о том, что сургутские и берёзовские казаки начинали свою историю с конца 80-х годов XVI века и ведут свою родословную непосредственно от казаков, пришедших в Сибирь вместе с Ермаком.

Население Сургута с самого начала существования города состояло из 155 служилых людей, прибывших в воеводском отряде вместе со своими семьями. Через 2 года в Сургут было прислано ещё 112 человек. В 1601 году сургутский гарнизон насчитывал 280 человек – казаков, стрельцов, литвы и

черкас. Многие из них постоянно находились в разъездах – кто-то собирал ясак, кто-то выискивал последние островки остяцкой независимости в угрюмой тайге, кто-то строил Нарымский и Кетский остроги с последующей зимовкой в этих новых форпостах русской колонизации в качестве «годовальщиков». Иногда «годовая служба» затягивалась на несколько лет. *«А Нарымской де и Кетцкой остроги поставлены для того, что наперед де того тех уездов ясачные люди были неведомы. А посылавали де в Нарымской и в Кетцкой остроги для нашего ясаку служилых людей из Сургута. А Томского де города в те поры еще не было. А ходили де для нашего ясаку в те уезды сургуцкие служилые люди для ясаков недель по дватцети и болиши. И в далних де переходах служилым людям были нужи великие и от ясачных людей были им истерии безвестные. А как де и Томской город стал, и в тех де острогах порухи не было, потому что меж городов и острогов для всяких мер всякие вести были ведомы»***

Известный финский учёный и путешественник М. А. Кастрен писал: *«Сургут был одним из сильнейших укреплений казаков и базой для дальнейших походов. Отсюда время от времени <... > казачьи дружины делали набеги, покорив все самоедские и остяцкие племена от Ледовитого океана на севере до реки Кеть на юге, и заставили их платить себе ясак. Не вызывает сомнения тот факт, что в эпоху покорения Сибири немного сибирских местностей играло столь выдающуюся роль, как смелый казацкий острог Сургут».*

Н. Г. Милеску Спафарий в 1675 году отмечал: *«Лет ныне с 70 из Сургута посыланы служилые люди во все сибирские города: в Томской, в Енисейской и в иныя, потому что множество было в Сургуте служилых людей».*

Из среды сургутских служилых людей вышло много ярких, самобытных личностей, чьи характеры несли в себе черты сурового времени. В числе этих людей – знаменитый землепроходец Максим Перфильев, атаман Тугарин Фёдоров. В Сургуте начинали свою службу и братья Родюковы – Артемий, Семён и Мокей. Возможно, что их отец – Григорий Родюков – был среди строителей Сургута, и не исключен факт его участия в походе Ермака.

Строительство Кетского острога резко приблизило границы Русского государства к Енисею и дало возможность кетским воеводам проявлять активность в приведении «под высокую государеву руку» новых «землиц».

Именно тогда к берегам Енисея начинают выходить из Кетского острога небольшие группы сургутских казаков-годовальщиков. Начинают формироваться ясачные волости, вошедшие позднее в состав Енисейского уезда. Как свидетельствуют документальные источники, в 1609 году сургутские казаки-годовальщики побывали в районах, где позднее возникли Маковский и Енисейский остроги, и через несколько лет путь до устья Верхней Тунгуски (Ангары) в Кетском остроге был хорошо известен. Как раз в это время наш пращур Артемий Григорьевич Родюков находился в Кетском остроге годовальщиком. В этом же году он вместе с другими сургутскими служилыми людьми был послан кетским воеводой Григорием Елизаровым «на тунгусы войною». Дошли они до Верхней Тунгуски – до «Тюлькиной земли», где через двадцать лет Андрей Дубенский построил Красноярский острог (См. Приложение 1609).

А в 1617 году уже другой воевода Кетского острога, Чеботай Фёдорович Челищев, посылал Артемия Родюкова и Первушу Иванова в Тобольск с отпиской о неправильном изъятии с енисейских остяков ясака тобольскими и берёзовскими служилыми людьми. По запросу тобольского воеводы князя Ивана Самойловича Куракина расспрашивал также кетский воевода о пути из Кетского острога на Енисей и Верхнюю Тунгуску: «*И я, господине, расспрашивал кецких годовальщиков, сургуцких служивых людей у Луки Донскова да Ортюшки Родюкова*»

Отписка кетского воеводы Чеботая Челищева тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о пути из Кетского острога на Енисей и Верхнюю Тунгуску... (1617г. не ранее 3 июля)

«Государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси боярину и воеводе князю Ивану Семеновичю Чеботай Челищев челом бьет. Нынешнего, господине, 125-го году июля в 3 день писал ты ко мне из Тобольсково, што велено по государеву указу поставить в Верхней Тунгуске острог; и мне бы распрося служивых людей, кецких годовальщиков и остяков и промышленных людей, которые бывали через волок, [отписать] в Тоболеск: сколько недель ходу до Кецково острогу до князьца Намака, и из Кети реки сколько ходу волоком до Енисея, и есть ли от Кети реки на Енисею водной путь. И я, господине, расспрашивал кецких годовальщиков, сургуцких служивых людей у Луки Донскова да Ортюшки Родюкова; а тот Лука Донской да Ортюшка Родюков были посланы из Кецково острогу на тунгусы войною с Иванком

Кайдаловым с товарищи, как посылал войною из Кецкого острогу Григорей Елизаров в 118-м году, и оне, господине, шли из Кецкого острогу до князьца Намака в зырянских каюках налегке пол трети недели и противо Намака с Кети на волок, до реки Тыи, пешему человеку нести на себе 2 пуда, итить 2 дни, а зимним путем на нартах итить два ж дни, и на речке Тые делати струги или зырянские каюки страдные, и от тово волоку от Тыи Тыею речкою на большую реку Кемь пол днища, [а рекою Кемью] плыти на Енисею день и, выплыв на Енисею, по Енисею в верх до Тунгуски до реки неоплошно итить день ходу. А на усть Тунгуски реки живут тунгусские люди 12 человек в юртах, а называются они кипанцы, по речке што речка Кипан, а выпала вверх едучи по Тунгуске с правые руки, а от Тунгусково устья вверх по Енисее 3 дни ходу дощаником до порогу. А порогу, господине, на Енисее 2 версты, а выше порогу итить 3 дни до тюлькиных людей. И нынешнего 125-го году в Тунгуску не изоспети и к волоку. Да послано, господине, сургуцким казаком с кецким годовальщиком с **Ортюшкой Родюковым** в Тоболеск 2 котла кецкие казенные да третей из меди ломаной; и тебе бы, господине, велети сделати в трех котлах, а из меди ломаной котел пивной; а денег с ним послано казенных б-ть рублей, што дати от дела от котла; а што сойдется денег, и на те деньги купити котел, в чем на остяков ести варити, ведра в четыре; а будет чево неостанет денег, и тебе бы, господине, велети дати денег на прибавку; што, господине, велишь дати денег на прибавку, и тебе б велети отписать в Кецкой острог, и тотчас деньги пришлю в Тоболеск, А меди с ним послано 17 безменов, да 3 дуги котельные, да 3 уши железные, а в дугах и в ушах велети зделати крюки да к котлу уши. Да в прошлом, господине, 124-м году послана из Кецкого острогу ко государю к Москве кецкая ясачная и поминочная казна с кецким годовальщиком с Давыдком Городчиковым, и куплено под казну судно в Сургуте, дано 5 рублей; а то судно, не доходя до Верхотурья, Давыдко продал верхотурскому пашенному крестьянину Меркуше, взял за судно 3 рубли с полтиною денег да за рубль епанчу, и тех денег в Кецкой острог не присылывал, и сам был в Кецком остроге, денег не отдал; и тебе бы, господине, велети в Сургут отписати к Гавриле Вельяминову да к Ивану Зубатого, штобы те деньги велели, на Давыдке доправа, прислать в Кецкой острог. Да у **Ортюшки**, господине, мяжкие рухледи у **Артюшки**

16 соболишек, да 7 бобрешков, да лиса красная, 77 пупченков, да посылошных 14 соболишек»

Г. Ф. Миллер. История Сибири

Нарымский и Кетский остроги являлись не только военными и административными центрами Приобья, но и местами поселения русских засельщиков, откуда последние постепенно расселились в XVII в. по деревням. Первыми жителями острогов были сургутские служилые люди - годовальщики по 20 человек. С вхождением Нарымского и Кетского уездов в Томский разряд их русское население становится постоянным. Оно, в первые годы, состояло в основном из служилых людей и администрации.

В 1625 году гарнизон Сургута сократился до 222 человек. А «для сберегания города и острога и розсылок» в самом городе осталось всего 28 человек служилых. Именно в это время и образовалось постоянное население в Нарымском остроге, здесь и продолжил нести свою службу Артемий Григорьевич Родюков. В 1625 году он числится в Нарымском остроге и получает «женатый оклад 6 рублей с четью, по 7 чети без полуосмины муки, по 2 чети круп и толокна, по пол-2 пуда соли». В 1627 году «Ортюшка Григорьев сын Родюков» числится казачьим десятником. В 1629 году Нарым сгорел, после чего был перенесён на новое место. В Приходной книге таможенных сборов за 1629 год Кетского острога записано: 27 мая с Артемия Родюкова «с 11 соболей взято государевой пошлины 10 алтын» (См. Приложение 1629).

Упоминается Артемий Григорьевич Родюков и в документах, относящихся к 1649 году. Из книги Н. Н. Покровского «Томск. 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры» узнаём, что в марте 1649 года «подводные остяки» Мандурмаковой волости Томского уезда Тогурма Хутыбаев и его братья Лепко и Кекол напали на юрты Кошлока, остяцкого князца кетской Киргиевой волости. Они разграбили его юрты и увели с собой жену Кошлока (а их сестру) с её дочерью. Князец догнал их, но они отбились из луков. Кошлок запросил помощи у кетского воеводы Г. Дурново, который выделил ему кетского казачьего десятника Артемия Родюкова. 23 апреля 1649 года десятник и князец вернулись из безуспешной погони. Они настигли Тогурму с братьями уже на Оби, в их волости. Те категорически отказались отдать всё захваченное, обещали убить десятника и князца, но затем ограничились грозным заявлением. Кетский воевода Г. Дурново справедливо решил скорее известить обо всём Москву.

Отрывок из романа С. Н. Маркова

«Он идёт по тобольским лесам и нескончаемым снегам с тяжёлой пищалью за плечами, выданной на время похода из воеводской казны. Он ищет новые соболиные реки, составляет чертежи. На лыжах он пересекает огромные снежные просторы, мчится на мохнатом гнедом коне, ведя второго в поводу, сидит на корме широкой плоскодонной лодки, и над его головой шумит парус из сыромятной кожи. Его подстерегают опасности. Он слышит, как поёт, приближаясь к нему, стрела с чёрными

перьями. Он не щадит себя в «съёмном» - рукопашном – бою, и раны его под конец многотрудной жизни нельзя сосчитать. Он спит на снегу, кормится чем попало, годами не видит свежего хлеба, часто ест «всякую скверну» и сосновую кору. Ему много лет не платят государева жалованья – денежного, хлебного и соляного. «Поднимаясь» для прииска новых рек и земель, он всё покупает на свои деньги, залезая в неоплатные долги, подписывая кабальные грамоты»

Военная служба в XVII веке являлась пожизненной и не имела возрастного предела. Верстать в службу в те времена можно было с 15 лет, однако в Сибири это нередко делалось и раньше. Служба в далёких сибирских городах и острогах была делом нелёгким. Разумеется, что основной, главной обязанностью казаков была военная служба. Но их деятельность не ограничивалась только этим. Вот как описывают свои «службы» енисейские служилые люди за 1623–1625 гг. в коллективной челобитной на имя царя Михаила Фёдоровича: *«Мы, холопи твои, всякие твои государевы службы служили без перестани и в новые земли по твой государев ясак ходим и про новые земли проводываем и под твою государеву высокую руку приводим и всякие твои государевы изделия делаем, острог починяем и ров вокруг острогу копали и ченки округ острогу били и надолбы и башни новые делали, кочи и струги для твоей государевой службы делаем и всякие твои государевы изделия делаем. Служим, государь, мы в зиме на нартах и на лыжах, а в лете ходим на шесте, да на весле безперестани».* Сибирские служилые люди представляли собой универсальную категорию населения, которая обладала очень широкими возможностями (из книги А. Бродникова «Енисейский острог»).

Брат нашего пращура, Семён Григорьевич Родюков, продолжил нести свою службу уже в Енисейском остроге (См. Приложение 1629-1631). Известны случаи, когда без хлеба, без продовольствия, в местах отдалённых от населённых пунктов, эти люди, чтобы не умереть с голоду, ели кору деревьев, мох и коренья или, как они выражались, *«сквернили свою душу всякими непотребамии»*, жили словно *«язычники»*.

1630-1631 гг. – Челобитная енисейских служилых людей Семена Родюкова с товарищами из Братской земли

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом холопи твои, енисейские служивые людишка десятник Сенка

Родюков, Петрушка Панкратов, Ивашко Панкратов, Костянтико Данилов с товарищи трицать человек. <...> И мы, холопи твои, будучи на твоеи государеве службе, <...> перецынжали и запасенка свои в волокитах все издержали. А ходили, государь, промышленных людеи сыскивать на их промыслех до Нижней Тунгуски и до Нены реки восемь недель и, сыскиваячи, государь, промышленных людеи, одва голодною смертью не померли, и от тое, государь, хотбы мы, холопи твои, перепухли и перецынжали. <...> И нам, холопом твоим, твоеи государевы службы служить будет нечем. А службы, государь, когда не ведаем, потому что указано нам быти в острошке до перемены, а перемена, государь, не ведаем, когда нам будет. Милосердныи государь царь и великии князь Михаило Федоровичь всеа Руси, пожалуи нас, холопеи своих, вели, государь, прислать из Енисейсково острогу на перемену служивых людеи, сколько человек пригоже, в лехких стругах за льдом, чтоб нам, холопам твоим, голодною смертью не помереть, а твоему государскому величеству позору не учинить. Государь царь, смилуися, пожалуи»

Г. Ф. Миллер. История Сибири

Эти люди из плоти и крови обладали железной волей и бунтарской натурой. Их трудом и подвигом держалось громадное сибирское пространство. Выросли первые постоянные поселения и остроги, срубленные казаками и промышленными людьми. Страшно труден был путь по Сибири. На поездку из Тобольска в Москву уходило полгода, из Енисейска – год, из Якутска – полтора, а то и два года. Люди шли по рекам, спускались на плотах, тянули на бечеве лодки и каяки, по дремучим лесам и тундре передвигались на лошадях и оленях.

В биографиях служилых, как в капле воды, отразилась героическая одиссея присоединения Сибири. В них, по сути, запечатлена история Сибири XVII века. Многие фамилии сибирских казаков остались на карте Сибири, в их числе - Родюковы.

***Памятник основателям Сургута установлен на площади им. 400-летия Сургута в июне 2003 года окружным Фондом поколений. В многофигурной бронзовой композиции изображены воеводы Ф. Бярятинский и В. Оничков, казаки-первопроходцы, священник-миссионер, служилые люди и крестьяне – все те, кто пришёл на берега Оби в 1594 году по указу царя Фёдора Ивановича.**

****1621, декабря 19. Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану об исследовании им и воеводой проектов вывода постоянных гарнизонов из Сургута и Березова и о переписи пашенных крестьян // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. – (История Сибири. Первоисточники: Вып. 4). - С. 184.**